

Действительно, все «дополнения» редакции *А* выражают различные аспекты богословских воззрений Аввакума, его комментарии истолковательного характера, наконец, примеры личной церковнослужебной практики. В редакции *А* появляются подробные описания исповеди и причащения, уединенных молитв Аввакума, рассказы о крещении им своих собственных детей и т. п., т. е. эпизоды, явно рассчитанные на практическое восприятие их читательской средой «правоверных». Не только новые эпизоды, но и те изменения, которые Аввакум вносит в текст редакции *А* по сравнению с *Б*, свидетельствуют о характере и направлении его редакционной работы. Сравним тексты.

В редакции *Б*, как и в других редакциях Жития, есть рассказ о «черненькой курочке», спасавшей в Сибири семью Аввакума от голодной смерти и доставшейся Аввакуму после исцеления им больных кур боярыни Пашковой. Рассказ о «курочке» кончается в *Б* так: «От тово племяни и нам курочка досталась» (111). В редакции *А* конец повествования о курочке «усилен» комментарием: «Да полно тово говорить. У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодествовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его» (32). Не только в эрудиции проповедника убеждается читатель редакции *А* Жития: явственно выступает и тот ряд героев, к которому тяготеет герой «Жития» — это ряд «святых», действовавших «о Христе».

Рассказ об исцелении Аввакумом внука Пашкова (Аввакум смог его исцелить после покаяния его матери) в редакции *А* почти соответствует *Б*, но завершается частым в этой редакции обращением Аввакума: «Вижь, слышателью, покаяние матерне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила, чему быть! Не сегодня кающихся есть бог!» и т. д. Повествование в редакции *Б* более «событийное» и в меньшей степени, чем в *А*, связано с явно выраженным дидактическим заданием (т. е. редакция *А* была началом того пути, который привел Аввакума к созданию редакции *В*).

Существует и ряд чисто текстологических следов вторичности текста *А*: следы «раздвинутого» вставкой текста в описании возвращения из Сибири (43—44; ср. 119—120), двусмысленность изложения, возникающая вследствие несогласованности текстов, — эпизод ссоры с царем из-за вручения челобитной юродивым Федором (49—50, ср. 121) и др.³⁶

Приметой первоначального текста в редакции *Б* может считаться и сохранение остатка евангельской цитаты в сцене суда над Аввакумом: «Возми, возми, распни его», — кричат «власти» на Аввакума, не собираясь его распинать на самом деле; так текст читается и в тексте *Б*₁ и в Прянишниковском списке, но в редакциях *А* и *В* цитата «подчищена» и осталось только необходимое: «Возми, возми!».

Таким образом, анализ хронологических и текстологических данных Жития полностью перестраивает традиционную схему последовательности возникновения редакций, согласно которой редакция *А* предшествует *Б*, и вносит существенные изменения в их характеристику.

Созданные вскоре одна за другой (1672—1673 гг.), редакции *А* и *Б* очень близки друг другу по настроениям Аввакума, отразившимся в них. Описывая историю своей жизни, Аввакум стремится найти вечный, вне-временной смысл в ее событиях: равномерность чередования добра и зла

³⁶ Примеров несвязанности текста, его несогласованности, противоречий, служащих в качестве обычных текстологических «примет», в Житии Аввакума весьма мало, так как мы имеем здесь дело с авторскими редакциями текста.